

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Садистическая первосцена и ее влияние на эдипов конфликт

М. В. Полицина

Полицина Маргарита Викторовна – психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Первофантазм первосцены – сложный многоуровневый конструкт, претерпевающий многочисленные трансформации на ранних стадиях развития субъекта, в результате которых архаическая, доэдипальная первосцена по мере приближения к стадии эдипова конфликта обретает более зрелый, невротический вид. Однако существует иной путь развития, избираемый психикой в условиях, когда грубая, угрожающая реальность занимает место фантазматической активности. Деструктивные, смертоносные отношения между родителями, в которые зачастую оказывается вовлеченным ребенок, способствуют наделянию первосцены преимущественно садистическими характеристиками, что не позволяет развернуться диалектике фантазмов, в результате которой первосцена обретает эдипальный вид. Это, в свою очередь, ведет к формированию ант-эдипальных фантазмов, препятствующих прохождению эдипова конфликта.

Ключевые слова: первосцена, эдипов комплекс, первофантазм, ант-эдип, садизм, влечение к смерти.

По мере развития психоаналитической теории З. Фрейд, преследуя цель понять первопричину симптомов своих пациентов, постепенно сместил фокус с реального соблазнения в детском возрасте, на котором он делал акцент в своих ранних работах, на бессознательную материю, которая ткется из первофантазмов, которые по мере развития психоаналитической мысли стали занимать центральное место в психоаналитических трудах. Первофантазмам, которыми принято считать фантазмы о соблазнении, кастрации, возвращении в утробу, каннибалистической трапезе и первосцене, отводится роль элементов психической реальности, структурирующих ее определенным образом.

В тот переломный момент, когда Фрейд, можно сказать, фундаментально меняет свой подход к осмыслению психической жизни, утверждаясь в том, что на реальность далеко не всегда можно и нужно опираться, исследуя путь возникновения симптома, в тот момент, когда он пишет в письме к Флиссу, что отказывается от своей невротики, – появляется то, что он называет первофантазмом, который впоследствии будет занимать центральную роль в психоаналитической теории. Разрешение этого вопроса и в самом деле было невероятно важным для будущего психоанализа, поскольку нужно было, чтобы то, стоит за фантазмом, в таком случае «было приведено к чему-то, что превосходит и пережитое индивидом, и воображаемое».

В ходе анализа случая Сергея Панкеева Фрейд приходит к тому, что, занимаясь психоанализом, мы в сущности имеем дело с психической реальностью. «Необходимо, однако, подчеркнуть, что само выражение "психическая реальность" – это не просто синоним внутреннего мира, психики в целом и пр. В самом глубоком своем фрейдовском смысле оно означает устойчивое и независимое от окружения ядро сопротивления, которое единственно можно считать "реальным" на фоне других психических феноменов» (Ж. Лапланш, Ж.-Б. Понталис, 1985).

В словаре Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понталиса фантазм определяется следующим образом: «Воображаемый сценарий, в котором исполняется – хотя и в искаженном защитой виде – то или иное желание субъекта (в конечном счете бессознательное)». Далее авторы выделяют первофантазмы как «бессознательные фантазии, обнаруживаемые аналитиком в качестве структурной подосновы явного содержания». Такое со временем открывшееся и изменившее во многом вектор развития психоаналитической мысли понимание первофантазма и его роли, как писал Фрейд, может говорить также о филогенетической природе первофантазма (Ж. Лапланш, Ж.-Б. Понталис, 1996).

Кроме того, мы можем обнаружить сходство функций первофантазмов, которые они выполняют для психики субъекта, с ролью мифов в архаическом сознании и функцией, которую они выполняли в первобытной культуре. Одна из важнейших функций мифов – это разъяснение различных явлений, ответы на важнейшие вопросы, которые интересовали представителей древних цивилизаций. Интересно, что темы, раскрываемые в мифологии, очень перекликаются с темами первофантазмов.

Важнейшим для формирования наиболее полного представления о первофантазмах является вклад У. Биона, который предлагает альтернативный взгляд и вводит термин *pre-conception* («преконцепция»). В теории Биона этим термином обозначается некая форма, не имеющая пока что содержания (по аналогии с «мыслью без содержания» у Канта), или, иными словами, форма ожидания, которой свойственна определенная направленность. Таким образом, автор предполагает наличие, к примеру, *pre-conception of the breast* («преконцепция груди») у младенца как изначального знания о груди и о том, что она связана с удовольствием и насыщением. И тогда можно предположить, что *pre-conception* активна и ищет своей реализации и, сталкиваясь с грудью реальной, младенец получает

возможность воспринимать ее, взаимодействовать с ней, и на данном этапе мы можем говорить уже о том, что в теории Биона является *conception* (концепцией). Чувство насыщения, удовольствия (либо также на месте него может быть боль), испытываемое при реализации того, что заложено «преконцепцией» (или же заполнение «содержимым» той самой формы, имеющей predetermined направленность), формирует то, что можно считать уже более сложным, целостным, многогранным образованием – «концепцией», индивидуальной в каждом отдельном случае и имеющей уникальные характеристики.

Почему же *pre-conception* Биона можно считать аналогом первофантазии?

Очевидно, что можно сравнить функции и роль, которую играют первофантазмы в психической жизни субъекта, описанные в предыдущем параграфе, с ролью *pre-conception* в теории мышления, которую описал Блон. Структуру, которой являются первофантазмы, можно сопоставить с формой, которая, согласно его теории, имеет определенную направленность и ждет своей реализации. Но есть еще одно, другого рода сходство между процессом формирования «концепции» и первофантазмом первосцены: процесс сопряжения «преконцепции» с реализацией, в результате которого формируется «концепция», мы можем сопоставить с самой сутью этого центрального первофантазма. Первосцена как соединение подразумевает создание связи, результат которой является ответом на главный бессознательный вопрос – вопрос о происхождении, присутствующий в бессознательном каждого субъекта. «Когда прекоцепция входит в контакт с реализацией, к ней приближающейся, в психике возникает концепция. <...> Эта модель дает нам теорию того, что каждое сочленение прекоцепции с ее реализацией порождает концепцию. Таким образом, можно ожидать, что концепции устойчиво сочетаются с эмоциональным переживанием удовлетворения» (*Bion, 1962*).

И тогда мы можем говорить о процессе мышления (рождения мыслей) как о процессе, аналогичном соединению родителей в первофантазме первосцены, как творческом акте. Эту аналогию можно развивать дальше: в зависимости от характера этой самой «прекоцепции», так же как и от характера первофантазма первосцены и от особенностей, черт, которыми они наделены, зависит дальнейшее развитие (точнее будет сказать, этими характеристиками оно во многом определяется). Невозможность мыслить (т. е. связывать) тогда оказывается сопряженной с невозможностью принять первофантазм первосцены; отрицание процесса, в котором сплетается мужское и женское, в котором, в результате соединения двух разных субъектов (которые, что также бывает довольно сложно принять, являются взаимодополняющими и нуждающимися друг в друге), происходит рождение нового субъекта. Таким образом, вместо усложнения и дальнейшего развития первофантазма первосцены, как это происходит на невротическом уровне, происходит процесс его стирания, как бывает в случае с психотическим уровнем организации. В своей статье Блон приводит пример пациента, который во время сессии галлюцинирует, при этом эта галлюцинация носит весьма нетипичный характер: он говорит

о том, что не имеет возможности видеть то, что видит. Связывая это с материалом пациента, являвшегося свидетелем сексуального акта между родителями, Блон отмечает как один из способов справиться с невозможностью принять удовольствие и близость, переживаемое двумя субъектами, находящимися в сексуальных отношениях, – нападение, атаку на эту связь в форме такого рода «видимо-невидимой» галлюцинации (Blon, 1959).

Изучая работы разных авторов, связанные с фантазмами о происхождении, невозможно оставить без внимания бессознательную фантазию о комбинированной родительской фигуре, о которой пишет М. Кляйн.

Комбинированная родительская фигура – слитый объект в бессознательном ребенка, включающий в себя отца и мать одновременно, являющийся альтернативным вариантом первофантазма первосцены, подразумевающего соединение отца и матери, мужского и женского, – двух разных, взаимодополняющих фигур. В том случае, если в бессознательной фантазии есть такой комбинированный объект, он включает в себя одновременно материнское и отцовское. К примеру, это может быть мать, внутри которой заключен пенис отца. Таким образом сформированный фантазм подразумевает, как следствие полного, тотального слияния, делающего из родительской пары единую фигуру, бесконечное удовольствие, удовлетворение, делающее невозможным разъединение такой пары и порождающее интенсивную, разрушительную зависть у ребенка.

Впервые Кляйн упоминает комбинированную родительскую фигуру в одной из своих работ, говоря о самых ранних тревогах, с которыми сталкивается психика ребенка. Она связывает эти тревоги с разрушительными импульсами, направленными в бессознательной фантазии на такой слитый, комбинированный объект. В этих фантазиях атакуется не только материнская фигура как таковая, а отцовский пенис в материнском теле. И, поскольку на этапе параноидно-шизоидной позиции, когда преобладают выраженные садистические импульсы, в центре внимания оказывается родительская пара, она, став во внутриспсихическом слитой и вместе с тем более угрожающей, подвергается деструктивным атакам, которые впоследствии сопровождаются столь же интенсивным страхом, тревогой, виной, связанной с угрозой потери объекта, с его разрушением (Кляйн, 1929).

Дж. Макдугалл дает первофантазму первосцены следующее определение, которое наиболее полно отражает многогранность понятия «первосцена», а также многообразие форм, которые она может обретать: «Концепция первичной сцены включает в себя весь запас бессознательного знания ребенка и его личной мифологии о сексуальных отношениях людей, в особенности родителей. Помимо генитальных аспектов первичной сцены и связанных с ней фаллически-эдипальных конфликтов (описанных Фрейдом как типичных для невротиков, когда они тормозят какие-либо или все формы либидинозной экспрессии) эта сцена может быть также описана в доэдипальных терминах, таких как орально-эротические и орально-пожирательные фантазии, анально-эротические и анально-садистские обмены, бисексуальная путаница, архаические фантазии

о сосании крови, страх утраты чувства своей идентичности или представления о границах своего тела. Когда такие фантазии играют ведущую роль в психической реальности личности, сексуальные и любовные отношения легко уравниваются с кастрацией, уничтожением или смертью» (Макдугалл, 1999, с. 18).

Первофантазм первосцены объединяет в себе характеристики всех остальных первофантазмов, как более раннего, архаического уровня, такие как фантазм о возвращении в материнскую утробу и о каннибалистической трапезе, так и более зрелые – о соблазнении и кастрации, становясь, таким образом, центральным звеном психической структуры. Следовательно, для наиболее полного и глубокого понимания первосцены необходимо рассмотреть ее не в отрыве, а в совокупности с другими первофантазмами.

Первофантазм о соблазнении является важнейшим компонентом первосцены зрелого, эдипального уровня, в которой он включает в себя элементы сексуальности, наслаждения и удовольствия, связанные с родительской парой. В древнегреческой мифологии Зевс, пользуясь своими чарами, покорял небожительниц, а к земным женщинам являлся, перевоплощаясь в различных людей, а также в животных. Ему удавалось завладеть любой, кто бы ему ни приглянулся, что характеризует этого древнегреческого бога как искусного соблазнителя.

Рассматривая же соблазнение в его нарциссическом аспекте, мы наблюдаем патологическую конфигурацию, становящуюся препятствием для формирования эдипального уровня первосцены.

Здесь нельзя не упомянуть о грани между соблазнением в диаде мать – дитя, необходимом для формирования первичного нарциссизма, когда не только мать соблазняет ребенка к жизни, но и ребенок, в свою очередь, соблазняет свою мать, и таким деструктивным явлением, как злоупотребление материнской властью.

Младенцу необходимо соблазнять свою мать для того, чтобы вызвать в ней желание обеспечивать ему удовлетворение базовых потребностей – в кормлении, безопасности, гигиене. Таким образом происходит сонастройка в рамках диады мать – дитя, необходимая на ранних этапах развития. Винникотт называл состояние женщины, которая недавно стала матерью, «первичной материнской озабоченностью». Такого рода состояние является необходимым для обеспечения такой степени чувствования матерью младенца, такого понимания посылаемых им сигналов, которое является залогом его выживания. Движение от такого рода слияния к сепарации происходит при условии появления третьего – отцовской фигуры (которая необязательно присутствует физически, но может быть только в голове у матери), а также введения цензуры любовницы, которая способствует тому, что эротизированные желания матери, относящиеся к «взрослой» сексуальности, остаются закапсулированными внутри материнской психики, вместо того чтобы быть спроецированными на ребенка.

Однако существует также и альтернативный, патологический путь, когда за неимением такого реального или фантазматического «третьего»,

с которым мать могла бы реализовать сексуальные желания и влечения, «язык страсти» проявляется в отношении матери к своему ребенку, посылая ребенку эротизированные импульсы и интенсивно взаимодействуя с его телом. Здесь мы переходим к соблазнению, которое носит инцестуозный характер (*Ferenczi, 1949*).

При размышлении о дальнейшем протекании развития в таком слиянии становится очевидной невозможность перехода на эдипальный уровень, ведь третьему – отцу – попросту нет места в этой диаде. Необходимую функцию разделения у него выполнить нет никакой возможности, и тогда, в дальнейшем, мы можем предполагать невозможность разрешения эдипова конфликта, в котором ребенок, при успешном его прохождении, отказывается от инцестуозного объекта, принимает ограничения, признает, что есть пара – отец и мать, из которой он исключен в силу того, что он их ребенок, но вместе с тем открываются и новые возможности. В таком случае мы имеем дело с концепцией, которую ввел Поль-Клод Ракамье – ант-эдип. Речь идет о стадии, предшествующей эдипову конфликту, застревание на которой приводит к нарушению нормального развития ребенка: фантазматическая активность становится невозможной, как и связанное с ней формирование автономности, возможности для сепарации, для которой необходимо присутствие разделяющего третьего.

Ант-эдипальная семья в таком случае представляет из себя неизменную, изолированную структуру; психическая экономия в рамках такой семьи ригидная, но и вместе с тем хрупкая. Ант-эдипальной семье также свойственен фантазм о самопорождении, все ее члены будто хранят семейный секрет, живут изолированно от внешнего мира, как бы отрицая и игнорируя реальность, существующую за границами этой семьи – как если бы она не имела к ней никакого отношения (*Racamier, 2012*).

В таких семьях мы можем наблюдать отрицание происхождения, и тогда, самопорождение является семейным фантазмом и влечет за собой отрицание разницы полов и поколений. Таким образом, парадоксальность и отрицание становятся фундаментом, на котором построены взаимоотношения в такой семье. Фантазмы, делающие невозможным формирование первофантазма первосцены как ответа на вопрос о происхождении, являются по своей сути не-фантазмами, поскольку они являются препятствием для фантазматической диалектики более зрелого уровня, которая подразумевает принятие отношений между родителями, к которым у субъекта нет доступа, – и тогда речь идет о первофантазме кастрации, включенном в структуру эдипальной первосцены.

Первофантазм о кастрации является зрелым фантазмом, который связан с введением разницы полов. Кастрационная тревога, сопровождающая субъекта на пути к кастрационному комплексу, при благоприятном развитии становится важным этапом, через который проходит ребенок при развитии способности принимать ограничения, необходимой для формирования зрелой структуры психики. Говоря о комплексе кастрации, мы подразумеваем фаллическую стадию развития, однако на более ранних стадиях также можно обнаружить события, которые позднее,

в последствии, могут приобрести значение кастрации. На оральной стадии прототипом кастрации может стать отлучение от груди. Обращаясь к древнегреческому мифу о Кроносе, вспомним о той его части, в которой он оскопил серпом своего отца Урана, что питал ненависть к своим детям, которых не выпускал из чрева своей жены, доставляя ей невыносимые страдания. Таким образом он, свергнув отца, стал верховным божеством. Инверсированный кастрационный комплекс, реализацию которого мы видим в этом древнегреческом мифе, отлично иллюстрирует символическую роль фаллоса как обладания властью, и, следовательно, лишаясь этого фаллоса, его обладатель лишается своей власти. В данном примере происходит отнятие власти путем кастрации и присваивание ее себе.

Как компонент первосцены первофантазм о кастрации присущ ей, когда речь идет о ее эдипальном уровне. В таком, достаточно зрелом ключе первосцена подразумевает принятие идеи о собственном происхождении посредством соединения отца и матери. Происходит отказ от более ранних фантазмов о самопорождении в пользу установления иерархии, согласно которой ребенок обязан своим происхождением родительской паре и лишен доступа к связывающим родителей интимным взаимоотношениям.

Каннибалистический первофантазм может быть составляющей эдипальной первосцены, ведь мы фрагментарно можем встретить его и в случае зрелой, генитальной сексуальности в виде таких элементов, как поцелуй и оральные компоненты сексуальных отношений, которые включают в себя одновременно компонент первофантазма соблазнения и связаны с сексуальностью и удовольствием, но если же он является ведущим фантазмом в структуре первосцены, она имеет очень ранний, архаический вид угрожающего слияния через поглощение.

Процесс, именуемый в психоаналитической теории интроекцией, тесно связан с каннибалистическим фантазмом, поскольку интроекция подобна поглощению объекта или же отдельных частей объекта. На раннем этапе развития интроекция является фундаментом, на котором затем происходит формирование процесса идентификации. Фрейд, упоминая каннибализм у примитивных народов, писал о том, что, вбирая в себя части тела какого-нибудь лица посредством акта пожирания, они стремились присвоить себе свойства, которыми оно было наделено. Также он упоминает и об отцеубийстве, осуществляемом братьями с целью присвоения силы могущественного отца (Фрейд, 1923).

В древнегреческой мифологии каннибалистическую трапезу олицетворяет бог Кронос, пожирающий своих детей, рожденных богиней Реей, который опасался предсказания Урана, согласно которому один из его детей должен был свергнуть его, – садистический, умерщвляющий акт, совершаемый под угрозой кастрации – лишения власти.

В первосцене мы также можем обнаружить различным образом представленные *компоненты первофантазма о возвращении в материнскую утробу*.

Это самый ранний первофантазм, который отвечает на вопрос «где я был до появления на свет?», вопрос, имеющий отношение к первоначалу, к зарождению жизни. С другой стороны, он символизирует первичный рай, идеальное место, в котором ни в чем нет нужды, нет фрустраций, где можно обрести состояние нирваны, в которое хочется вернуться, но возвращение туда в то же время символизирует смерть.

Помимо компонента удовольствия и наслаждения, присущего фантазму эдиповой первосцены, который связан с обретением первичного рая и у родительской пары есть к нему доступ, в случае архаической первосцены, которая может быть деструктивной и смертоносной, фантазм о возвращении в утробу оказывается по ту сторону жизни и либидо, становится воплощением небытия и убежищем, которое призвано защитить от более зрелой, эдипальной диалектики фантазмов.

Фрейд писал о наличии в психике влечения к смерти, противоположного влечениям сексуального характера. Оно противопоставляется эросу, который отвечает за внутриспсихический процесс связывания влечений за счет энергии либидо. Влечения танатоса определяют стремление живого вернуться к изначальному состоянию, а значит, к неорганическому, что в конечном счете подразумевает смерть (Фрейд, 1920).

В первофантазме о возвращении в материнское лоно компонент влечения к смерти сводится к стремлению к возврату в состояние покоя и безмятежности, к нивелированию напряжения. Младенец, будучи обуреваемым невыносимыми фрустрациями, с которыми вынужден столкнуться в связи с появлением на свет, неизбежно желает избавиться от них, осуществив возврат к прежней форме существования.

Под преобладающим воздействием влечения к смерти, в противовес либидинальной первосцене, предшествующей разрешению эдипова конфликта, отвечая на вопрос о происхождении и являясь фундаментальным фантазмом для формирования генитальной сексуальности, с присущим ей и лежащим в ее основе принципом удовольствия, связывающим мужское и женское в творческом акте, создающем новую жизнь, первосцена становится деструктивным, смертоносным актом, в котором один может уничтожать другого или же в результате которого могут быть разрушены оба. В такой первосцене будет преобладать садистический компонент, который между тем присутствует в первосцене любого порядка, однако может являться как элементом сексуальности, усиливая интенсивность таких ее проявлений, как страстность, ненасытность, непреодолимое желание обладать объектом любви, так и, в случае преобладания этого компонента, может означать причинение боли, нанесение ущерба, разрушение другого.

Первофантазм о возвращении в утробу, превалирующий в структуре первофантазма, как защита от соприкосновения с эдипальным контекстом, может становиться психотическим фантазмом, подразумевающим пребывание внутри тела первобытной, угрожающей материнской фигуры, представляющее собой поглощающую и смертоносную первосцену, внутри которой находится субъект, как бы будучи заточенным в ней, взамен позиции наблюдателя, которая отведена ему в том случае, когда речь

идет о невротической первосцене. Франсис Паш пишет о голове Медузы как о подобного рода архаической первосцене, которую может олицетворять также миф, в котором Кадм сеет, будто семена, зубы змея, которые, прорастая, воплощаются в воинов, сражающихся в ожесточенной битве, уничтожая друг друга. И в том, и в другом примере первосцена – обитель субъекта, в которой он только и может существовать, будучи изолированным от угрожающей внешней реальности и от необходимости инвестировать объекты. «Присутствие отсутствия» – щита, дарованного Персею Афиной, метафорически отражает невыносимость восприятия внешней реальности психотиком, поскольку она обездвиживает и может разрушить его (Паш, 1971).

Для первосцены психотического уровня, таким образом, характерно удерживать субъекта внутри, и тогда первосцена как таковая становится невозможной, ведь невозможно наблюдать ее, принять ее существование. Таким образом, фантазм первосцены аннулируется, ведь такого рода первосцена подобна возвращению в материнское лоно как в убежище от фантазмов. Оно же может стать для психотика и нарциссическим убежищем от реальности, отношений с объектом, связывания, восприятия. В смертоносном (по отношению к дальнейшему психическому развитию) акте субъект возвращается в первичный рай, но это возвращение знаменует отказ от жизни, обусловленный невозможностью устанавливать связи. Последнее есть свидетельство и суть первосцены невротической, являющейся прообразом порождения всех внутриспсихических связей, способности к символизации, торжество эроса над танатосом.

Таким образом, в процессе созревания и по мере приближения к эдипову конфликту первофантазм первосцены трансформируется, видоизменяется, при благополучном развитии приобретая более сложный, зрелый, невротический облик, либо же, как описано выше, он может иметь психотический, искаженный вид в том случае, когда ранние, архаические фантазмы замыкают на себе первосцену, не давая ей приблизиться к эдипальному контексту.

Важно отметить, что ранняя, примитивная, архаическая первосцена неизменно наделяется садистическим компонентом, будь то каннибалистические фантазмы или же фантазмы о насилии и об избиении.

Садистический компонент изначально присутствует в первосцене, поскольку первофантазмы, населяя психическую вселенную с самого начала психической жизни субъекта, на самом раннем этапе развития имеют архаичный вид. Этот компонент сохраняется и в дальнейшем, и, поскольку первофантазмы трансформируются и видоизменяются по мере созревания психики, то, как будет выглядеть первосцена к тому моменту, когда психика столкнется с необходимостью разрешения уже более сложных задач, через которые необходимо пройти для разрешения эдипова конфликта, будет влиять на возможность соприкоснуться с теми чувствами, которые это неизбежно вызывает. В том случае, если садизм преобладает над всеми остальными компонентами, из которых может состоять первосцена, делая невозможным связывание такого количества деструктивности незрелым психическим аппаратом, первофантазм становится

настолько разрушительным, что психика стремится его аннулировать и избежать дальнейшего развития, которое должно произойти в процессе преодоления эдипова комплекса.

Первосцена как акт любви между родителями, как удовольствие, доступное только им, загадочное, тайное, являющее собой творческий акт, в результате которого на свет появляется ребенок, или же как чудовищная, непостижимая, деструктивная, убийственная? Во втором случае с большой долей вероятности она станет воплощением архаического, первобытного ужаса, фантазии о котором попросту невыносимы, и столкновения с этой опасностью необходимо избежать любой ценой. Психический аппарат может осуществить такого рода бегство посредством аннулирования первосцены и регресса к более раннему и примитивному первофантазму возвращения в материнское лоно, и тогда такое решение может являться бегством от фантазмов вообще.

П. Марти пишет, что травма мешает формированию или реализации наиболее развитой на данный момент функциональной организации, в момент травматизации влечение к смерти выходит на первый план. Затем влечение к жизни берет верх в результате событий, в том числе терапевтических, которые способствуют формированию новой организации менее сложных функциональных ансамблей, взамен более развитых – тех, которые не имели возможности сохраниться под воздействием травмы. «Травма, навязывая себя в неассимилируемых формах, превышает возможности эволюции или адаптации наиболее развитых организаций. Таким образом, она оставляет место для дезорганизаций, производимых инстинктами смерти» (*Marty, 1976*).

В том случае, если внешние обстоятельства, под которыми я подразумеваю в первую очередь ранний опыт субъекта, характер взаимодействий с первичными объектами, а также взаимоотношения между ними, свидетелем которых мог стать субъект в первые месяцы и годы жизни, способствовали формированию преимущественно садистического характера первосцены, и в случае, когда этот фантазм не трансформировался в более невротический вид, речь идет о преобладании танатоса – влечения к смерти. В тех условиях, где ранний опыт субъекта оказывается связанным с натиском агрессивных, деструктивных импульсов со стороны первичных объектов или же когда он невольно становится свидетелем смертоносных, угрожающих, разрушительных взаимоотношений между ними, садистическая первосцена насильственным образом, помимо воли субъекта, вторгается в его психику, заполняя ее собой, поглощая, не оставляя пространства для процессов, способствующих формированию способности к символизации – фантазирования и галлюцинирования, посредством которых происходит переработка нового опыта, в ходе которой первофантазмы, модифицируясь, видоизменяясь, формируют психическую структуру. Таким образом, путь развития, предполагающий сперва установление надежного внутреннего материнского объекта и лишь затем выстраивание триангулярных отношений, оказывается невозможным, зачастую нет также возможности сформировать надежную, устойчивую идентификацию с первичными объектами, которая в дальнейшем стала бы основой

для вторичных идентификаций, формирующихся в процессе разрешения эдипова конфликта.

Взамен этого, вместо него происходит конструирование той или иной иллюзорной системы, замещающей эдипов комплекс, о чем пишет Р. Бриттон в одной из своих работ (*Britton, 1989*).

Такие иллюзорные конструкции, которые возникают на месте эдипова комплекса, могут представлять из себя различные конфигурации, но причиной их появления всегда является невозможность формирования эдипальной триангуляции, которая, в свою очередь, может являться следствием травматичного опыта, препятствующего формированию эдипального уровня первофантазма первосцены. И тогда становится понятно, что цель таких формирований – защитить психическую реальность субъекта от столкновения с невыносимыми переживаниями и еще более отдалить от фантазматической констелляции, которая необходима для прохождения эдипова конфликта. Это особого рода искажение, которое, как писал Дж. Стайнер, позволяет «закрыть глаза» на реальность переживаний, с ним связанных (*Steiner, 1985*).

Защитой, в таком случае, могут послужить конструкции, заменяющие эдипов комплекс, позволяющие избежать столкновения с ним, которые могут быть представлены как в виде эдипальных иллюзий, как их описывал Р. Бриттон, подразумевающие знание о существовании отношений между отцом и матерью, нахождение в контакте с этой реальностью, но в то же самое время невыносимость тех или иных чувств, связанных с ней, которая и подталкивает психику к созданию особого рода иллюзорного сценария, так и в виде упоминавшейся мной ранее ант-эдиповой конфигурации, не предполагающей триангулярности, сопряженной с фантазмом о партеногенезе или самопорождении. В последнем случае происходит радикальное отбрасывание идеи собственного происхождения от родительской пары.

В попытках избежать столкновения с тем, более зрелым уровнем первосцены, в которой отец и мать образуют пару, которой сам субъект обязан своим происхождением, появлением на свет, происходит искажение этой реальности, которое может выражаться путем формирования фантазмов, ей противоречащих. Это может быть, к примеру, фантазм о непорочном зачатии (так часто встречающийся в мифологии, к примеру – сюжет из древнегреческой мифологии, в котором Зевс оплодотворяет свою возлюбленную, Данаю, заточенную в подземелье, проникнув к ней виде дождя; также сюжеты о непорочном зачатии известны нам из религиозной мифологии) или же фантазм о самопорождении. В дальнейшем происходит развитие, которое, как и такого рода фантазмы, идет в обход эдипова конфликта, в силу неспособности психики столкнуться с ним.

Возвращаясь к вопросу формирования идентификаций, в случае садистического характера «первосцены», которая вторгается в психику субъекта в виде насильственной, смертоносной реальности, мы можем предположить, что отцовская фигура, олицетворяющая, при нормальном варианте развития, закон и порядок, становится олицетворением угрозы и насилия, агрессором, и тогда на месте страха кастрации (если мы говорим

об эдиповом комплексе у мальчика) или же страха утратить любовь объекта (если речь идет об эдиповом комплексе у девочки) может образоваться фантазм об отцеубийстве, который также является частью такой ранней, первобытной, архаической фантазматической констелляции, которая формируется в психике субъекта вокруг смертоносной садистической первосцены и становится ядерным первофантазмом в психической реальности. Материнская фигура становится в таком случае слабой и уязвимой, и идентификация с ней также становится невозможной. Невозможность идентифицироваться ни с отцовским, ни с материнским объектом, ни принять связь между ними и идею своего происхождения в результате этой связи, которая в психической реальности субъекта представлена как акт исключительно насильственный и смертоносный, может также стать причиной возникновения ант-эдипального фантазма о самопорождении.

Невозможность установить надежные идентификации закрывает возможность для проделывания работы, необходимой для преодоления эдипова комплекса, предполагающей чувства, с которыми непросто иметь дело: зависть, чувство исключенности, соперничество, ревность и вина. Такая психическая работа, результатом которой должна стать идентификация с родителем своего пола, а также интериоризация запретов, правил и ограничений, отказ от физической любви к родительским объектам, сопровождающийся работой горя по невозможности отношений с ними, может быть возможной лишь в том случае, когда на более раннем этапе была возможность сформировать надежные внутренние объекты, а также пространство для разворачивания фантазматической активности, подразумевающее определенный уровень абстиненции, способствующий развитию символизации и ментализации. Такой ранний опыт закладывает фундамент для того, чтобы чувства, с которыми заставляет соприкоснуться эдипов комплекс, было возможно переработать, чтобы они не были слишком травмирующими и разрушительными. В том случае, когда вторжение реальности настолько интенсивно, что не оставляет шансов на трансформацию, преобразование первофантазмов, «дозревание» их до эдипального уровня, психический аппарат избирает путь, который в таких обстоятельствах выглядит более безопасным – путь избегания.

Одной из главных характеристик эдипальной первосцены, бесспорно, можно считать исключенность из нее субъекта. Как следствие исключенности происходит открытие внутриспсихического пространства, в котором на множественных сценах разворачивается множество «спектаклей», конструируется множество фантазмов – происходит развитие психического аппарата. Что же произойдет, если заменить фундаментальный компонент исключенности на насильственное, агрессивное вторжение «первосцены» реальной? Очевидно, на смену развитию фантазматической активности придет ее блокировка, бегство от первобытного ужаса, возникающего в психике ребенка в ответ на столкновение «лицом к лицу» с таким опытом, – посредством регрессии на один из предшествующих уровней развития.

Фиксация первофантазма первосцены на раннем, доэдипальном уровне, которая может произойти в том случае, когда он имеет садистический, смертоносный вид, при отсутствии или слишком низком уровне либидинального инвестирования, связывания за счет эроса деструктивности, не позволяет установить надежные идентификации с первичными объектами, способствующие разрешению эдипова конфликта через переработку и связывание деструктивных влечений, вызываемых ревностью, завистью и соперничеством, к которым подталкивает столкновение с эдиповым комплексом.

Характер ранней триангуляции, а также установление первичных идентификаций, сформировавших к этому этапу центральный первофантазм, который в силу своих сокрушительных, смертоносных характеристик повлек за собой сложность в формировании более зрелых идентификаций, разрушительным образом влияет на возможность прохождения эдипова конфликта, провоцируя тем самым создание разного рода эдипальных иллюзий, а также структурирование психики посредством ант-эдипальных фантазмов, служащих защитным образованием, возникающим ввиду невозможности развития психического аппарата в направлении его структурирования посредством преодоления эдипова комплекса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кляйн М.* Ситуации инфантильной тревоги, отраженные в произведениях искусства и творческом импульсе // Психоаналитические труды: в 7 т. / Пер. с англ. под науч. ред. С. Ф. Сироткина и М. Л. Мельниковой. Т. 2: «Любовь, вина и репарация» и другие работы 1929–1942 гг. Ижевск: ERGO, 2007. С. 19–31.
2. *Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.* Первофантазм. Фантазм первоначал. Первоначало фантазма // Французская психоаналитическая школа: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Психология», «Клинич. психология» / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. Москва [и др.]: Питер, 2005 (ГПП Печ. Двор). 574 с. (Антология современного психоанализа / Международ. психоаналит. ассоц.).
3. *Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу / Пер. с фр. и предисл. Н. С. Автономовой. Москва: Высш. шк., 1996. 623 с.
4. *Макдугалл Дж.* Тысячеликий эрос / Пер. с английского Е. И. Замфир под редакцией проф. М. М. Решетникова. Спб.: Совместное издание Восточно-Европейского института психоанализа и Б&К, 1999. 278 с.
5. *Паиш Ф.* Щит Персея, или Психоз и реальность // Французская психоаналитическая школа: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Психология», «Клинич. психология» / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. Москва [и др.]: Питер, 2005 (ГПП Печ. Двор). 574 с. (Антология современного психоанализа / Международ. психоаналит. ассоц.).
6. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия: сборник / Сост., послесл., и коммент. А. А. Гугнина. Москва: Прогресс: Литера, 1992. 567 с.
7. *Фрейд З.* Тотем и табу / Пер. с нем. М. В. Вульфа. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. 253 с.

8. Britton R. (1989). The missing link: Parental sexuality in the Oedipus complex, in J. Steiner (ed.) *The Oedipus Complex Today* (pp. 83–101). London: Karnac.
9. Racamier P.-C. (2012). *Les Perversions Narcissiques*. Paris: Payot, DL.
10. Bion W. R. (1959). Attacks on Linking. *The International Journal of Psychoanalysis*, 40: 308–331.
11. Bion W. R. (1962). A theory of Thinking. *The International Journal of Psychoanalysis*, 443: 306–310.
12. Ferenczi S. (1949). Confusion of the Tongues Between the Adults and the Child (The Language of Tenderness and of Passion). *The International Journal of Psychoanalysis*, 30: 225–230.
13. Marty P. (1976). *Les mouvements individuels de vie et de mort, Essai d'économie psychosomatique*, Éditions Payot.
14. Steiner J. (1985). Turning a blind eye: The cover up for Oedipus, *Int. Rev. Psychoanal*, 12: 161–172.

The Sadistic Primal Scene and its Influence on the Oedipal Complex

M. V. Politsina

Politsina Margarita V., is a psychoanalytically oriented psychotherapist.

The Primal Scene is a complex multilevel construct undergoing numerous transformations at the early stages of the subject's development, because of which the archaic, pre-oedipal Primal Scene, as it approaches the stage of the Oedipal conflict, acquires a more neurotic, mature form. However, there is a different way of development chosen by the psyche in conditions when a rough, threatening reality takes place of phantasmatic activity. Destructive, deadly relationships between parents, in which the child is often involved, contribute to the endowment of the Primal Scene with predominantly sadistic characteristics, which does not allow the dialectic of phantasms to unfold, because of which the first scene acquires an oedipal appearance. This, in turn, leads to the formation of ant-oedipal phantasms that prevent the overcoming of the Oedipal complex.

Keywords: primal scene, primal phantasms, oedipal complex, ant-oedipus, sadism, drive of death.